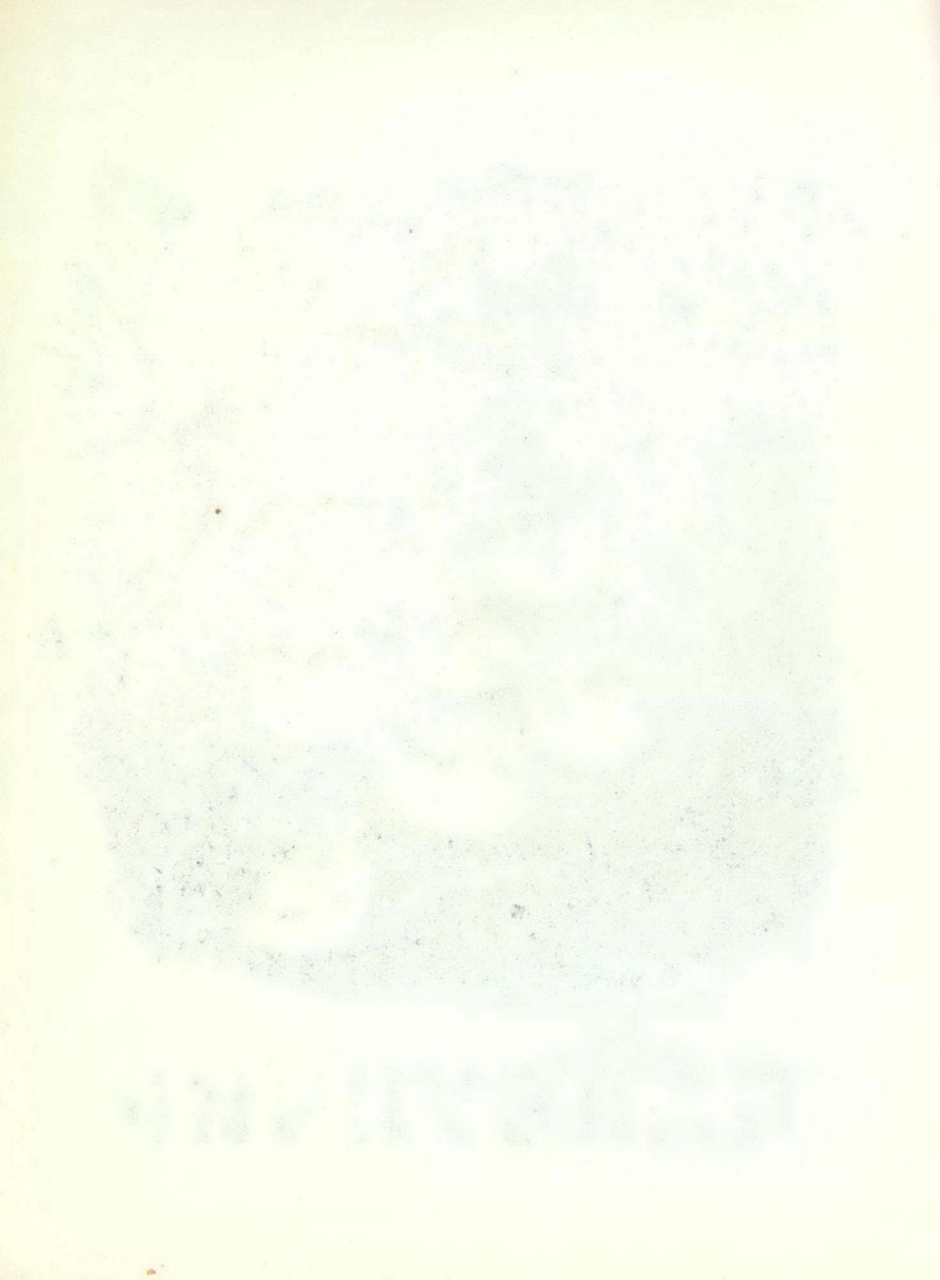

Виталий Бианки

ПЛАВУНЧИК

Д Е Т Г И З 1 9 4 6

ВИТАЛИЙ БИАНКИ

ПЛАВУНЧИК

РИСУНКИ В. ЧАРУШИНА

Государственное Издательство
Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1946 Ленинград

ОГЛАВЛЕНИЕ

Плавунчик	3
Дупленый Бочок	12
Бешеный бельчонок	23

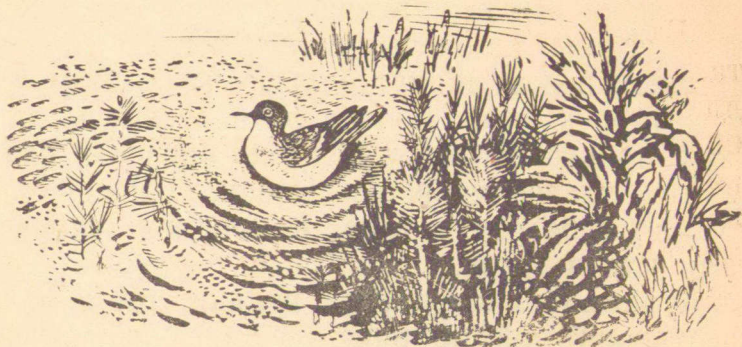
16074

1957-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
 ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
 ДЕТГИЗА

Для дошкольного возраста

Редактор *З. Задунейская*. Художник-редактор *Н. Полозов*. Технический редактор
Н. Сусленникова. Корректор *М. Бекштрэм*. Печ. и уч. авт. листов 2 $\frac{1}{2}$. Тираж 60 000.
 М—05777. Подписано к печати 5.X.46 г. Типогр. знаков в 1 бум. л. 34288. Заказ
 № 1793. 2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства Просвещения РСФСР.
 Ленинград, 2-я Советская, 7.

Плавунчик

Преудивительная у нас водится птичка. Называется — плавунчик.

Где бы вы ни жили летом — на Волге, на Кавказе или в жарких степях Казахстана, под Ленинградом, под Москвой или на Камчатке, — всюду вы можете этих птичек встретить. И всегда неожиданно. А на завтра придете туда, где их видели, — их уж нет.

Ищите их на море, в озере, на реке, в пруду. Даже если около вашего дома есть просто большая яма, — и тут вам могут попасться на глаза плавунчики. Была бы в яме вода.

Птички эти из куликов. Кулики — стройные такие птицы, на очень длинных ногах и с очень длинным носом. Живут больше по болотам, по берегам рек, озер. Но они не плавают, не ныряют: только бегают у воды по берегу и кланяются, кланяются носом до земли. Носом они достают себе еду в тине, в иле, под камешками или в траве.

Кулики-то плавунчики, кулики, да у них, как говорит мой сынишка, все шиворот-навыворот. Носик у них не такой уж длинный, ножки тоже. И редко увидишь их на берегу: они всё плавают.

Спросите, на кого плавунчики похожи? Как их узнать, если встретишь?

Узнать их очень легко. Ростом плавунчики примерно со скворца. Похожи они на те нарядные цветные поплавки, что покупают молодые удильщики в городских магазинах. Особенно похожи, когда сидят на воде: сидят и танцуют на волнах, как поплавки. Сами белые, и серые, и красноватенькие — пестро расписаны.

И всегда их целая стайка. Народ они очень дружный. Одиночку редко-редко встретишь. Они всё в компании.

Сынишка мой, когда в прошлом году в пер-

вый раз их увидел, очень удивился. Пришел домой и говорит:

— Что за птиц таких я видел, — просто не пойму! Идешь — все птицы от тебя удирают, разлетаются. А эти и не думают. Плавают у самого берега. Я подхожу — они не только не улетают, даже отплыть подальше не хотят. Кувыркаются головой под воду, как маленькие уточки. Ни минуты не посидят спокойно: кружатся жуками на воде. А то в чехарду начнут играть: прыгают друг через друга, перепархивают — и опять на воду садятся.

Жили мы прошлый год в деревне на Урале. Домик наш стоял на самом берегу реки Камы. И всё лето стайки плавунчиков плавали у нас перед глазами, — прямо из окошек видно. Сегодня плавает стайка, а завтра исчезнет. Пройдет два-три дня другая стайка появится. И так всё лето.

Сынишка мой говорит:

— Вот бездельники! Другие птицы — все на гнездах, птенцов выводят. А эти ничего не делают, только в чехарду на воде играют всё лето. Наверно это петушки: красивенькие такие, яркие. У всех птиц самцы красивей самок. Наш Петька вон какой франт, а курочки — серенькие.

Я ему объяснил, что он ошибается. У плавунчиков как раз наоборот: петушки серенькие, а курочки франтихи, ярко одеты. Далеко на севере, в тундре, весной курочки снесут в гнезда яйца — и до свидания! Улетают. Петушки одни на гнездах сидят, детей выводят, потом учат их, как жить. А курочки-франтихи всё лето по всей нашей стране летают, путешествуют себе с места на место.

Сынишка мой говорит:

— Это просто какие-то птички шиворот-навыворот! А все-таки я их шибко залюбил, потому что они меня не боятся. Будто знают, что я их не трону и плохого им не сделаю. Хорошие они.

— Очень хорошие, — согласился я.

И вот раз утром прибегает мой сынишка домой с Камы. Он рыбу ходил удить на реку.

Прибегает и говорит:

— Смотрите, кого я принес!

Лезет себе за пазуху, вынимает оттуда живого плавунчика и пускает его на пол.

— Я, — говорит, — сидел на берегу с удочкой. Вдруг две вороны летят. Кричат, каркают. А впереди них, смотрю, какая-то маленькая птичка мчится. Вороны ее ловят, схватить хотят. Она из стороны в сторону бросается, кричит.

— Увидела меня — и прямо ко мне. Примчалась — и в ноги мне. И сидит.

„Туик!“ — говорит. Я сразу понял: „Защити меня“, просит.

— Ну, я на ворон удочкой замахал, закричал. Они покружились, видят — со мной не справиться, и отлетели.

— Я нагнулся, взял плавунчика в руки. Он и не думает улетать. Я удочку смотал — домой с ним. Вот он — видите какой.

Плавунчик ходит себе по избе, нас ни чуточки не боится.

Думали мы, думали, что с ним делать? Конечно, такая милая птичка — радость в доме. Но чем ее кормить? И ведь ей плавать надо. Держать дома трудно.

Решили выпустить.

В деревне-то, конечно, нельзя выпускать: тут кошки, собаки и те две вороны. Решили плавунчика отнести подальше.

Сынишка наклонился, взял его в руки. Он ничего, — пожалуйста! Точно век с людьми в избе жил.

Пошли мы с сынишкой за околицу, через поле, в лес. В лесу, среди вырубки, знал я такую большую яму с водой. Тины там, корму всякого птичьего много было. Днем туда

разные кулики прилетали — покормиться, а на ночь — утки.

На этой яме мой сынишка и выпустил плавунчика.

Плавунчик порхнул на воду, пискнул нам два раза — туик, уик! — вроде, значит, „спасибо“ сказал, „до свиданья“ — и как ни в чем не бывало, принялся жуком кружить по воде, пить и есть.

Долго мы стояли с сынишкой, любовались им. Наконец, я говорю:

— Ну, пойдем. Мама давно уж, верно, нас с обедом ждет. А плавунчик забудет нас, улетит отсюда на Каму — к своей стайке. Птица вольная, — ей так хорошо.

Ушли мы. Но я ошибся: плавунчик не улетел и не забыл нас.

Через два дня пришли мы с сынишкой на эту яму: уток я хотел настрелять. Спрятались в елушках на берегу.

Уж солнце за лес село. Тут вдруг что-то мелькнуло у нас над головой — и видим: плавунчик наш на воду садится!

Я высунулся из елушек, машу на него рукой:

— Кыш, кыш, улетай отсюда скорей!

А он посмотрел на меня, — туик! — пискнул,

вроде „здравствуй“ сказал, и плывет к нам. Подплыл и у наших ног кувыркается, тинку со дна носом достает — закусывает.

Сынишка говорит:

— Пойдем-ка, папа, домой лучше. А то еще ты моего плавунчика вместо утки подстрелишь, как стемнеет.

Так и ушли, ни разу не выстрелив.

И больше уж не пришлось мне на этой яме охотиться: плавунчик наш привычку взял каждый вечер сюда прилетать. Плавает среди уток, кружит по воде, — ну, как тут стрелять: дробь разлетится, — ненароком и его заденет.

Пришла пора — с севера, из тундры прилетели стайки сереньких плавунчиков: петушки со своими воспитанниками — молодыми. Поплавали немножко на Каме все вместе — с франтихами-самочками. И исчезли.

Это они в свое осеннее путешествие отправились — на зимовки. А зимовки у них в далеких жарких странах — в Индии, в Индо-Китае и еще дальше.

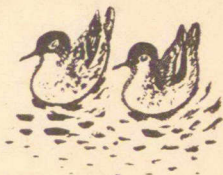
Улетел с ними и наш плавунчик.

Но весной он опять прилетит.

И пожалуйста, ребята, если где встретите его или других плавунчиков, — не трогайте

их, не пугайте! Они ведь совсем беззащитные и, главное, очень уж верят людям. А ведь так приятно, так хорошо на душе становится, когда в тебя крепко верят и ждут от тебя только хорошего. Особенно, когда так в тебя верит беззащитное маленькое существо.

Пусть хоть птичка.

Дупленный Бочок

Думаете все зайцы одинаковые, все трусы? Нет, зайцы тоже разные бывают. Спросите вот моего сынишку, какого мы раз поймали скандалиста.

Мы были на охоте в лесу. Втроём: сынишка, я и Джим. Джим — это собачка наша. Коротконожка, уши до земли, хвостик куцый. Замечательная охотничья собачка, хоть и старенькая: всякую дичь разыщет, на крыло поднимет, а подстреленную поймает, схватит и осторожно,

не помяв ни перышка, подаст прямо в руки. Необыкновенно умный и добрый у нас Джим. С другими собаками не дерется, никого никогда не кусает, всем знакомым людям при встрече хвостиком часто-часто машет и, знаете, так по-собачьи, приветливо улыбается.

На охоте мы были сухой осенью, — уже лист с деревьев падал, а дождей больших еще не было. В это время охотиться в лесу всего трудней: высохший лист гремит под ногами, дичь тебя далеко слышит и видит сквозь поредевший кустарник и, не допустив, улетает.

Вдруг слышу — Джим залаял, залаял в кустах — и вдруг замолк.

„На кого это он?“ — думаю. И приготовился стрелять.

Но оттуда, из кустов, никто не вылетел.

А сынишка уже там — и кричит мне из кустов:

— Папа, папа, беги скорей! Кого Джим-то в плен взял!

Я — к ним и вижу:

Джим лежит врастяжку на земле, а передними лапами зайчонка прижал к листьям, держит его. Зайчонок верещит отчаянно, Джим хвостиком часто-часто виляет, а сынишка мой

стоит над ними — и не знает, что ему делать.

Я подошел, взял зайчонка у Джима. Держу зайчонка двумя пальцами за шиворот, — он еще пуще верещит, лапками от меня отбивается.

Сынишка говорит:

— Это он на тебя сердится. Кричит: „Как ты смеешь меня — такого маленького — обижать!“

И вправду похоже было, что зайчонок что-то кричал.

А Джим на задние лапы встал, передними мне в колени уперся и лижет зайчонка: успокаивает его, — что, значит, не бойся, не таковские мы, ничего плохого тебе не сделаем.

Тут вдруг сынишка говорит:

— Смотри, папа, у него левый бочок лупленный.

Смотрю: на левом боку у зайчонка плешинка. Шерсть содрана, голая кожа — в пятак кружок.

— Эге! — говорю. — Да ведь это мне знакомый зайчишка! Он от дяди Сережи сбежал. Полезай-ка, дружок, в карман.

Осторожно его под пузечко перехватил и сунул в свою охотничью куртку, в спинной карман. Такой у меня карман есть в куртке: во всю спину, а по бокам — пуговицы. Очень

удобно в нем стреляную дичь носить и всякую всячину, что, бывает, на охоте попадаетея.

Зайчонку там темно, тепло, — он и притих.

И сразу мы домой пошли.

По дороге мне пришлось, конечно, всё подробно рассказать сынишке, откуда я этого зайчонка знаю и отчего у него бочок дупленый.

Дядя Сережа — приятель мой, тоже охотник, живет на краю деревни, у самого леса. Зайчонка он поймал недели три назад — совсем еще крошкой — у себя в саду под кустом смородины. Этот зайчонок из листопадничков. У зайчих первые зайчата рождаются весной, когда еще снег корочкой — наст. И называются они настовичками. А последние в году рождаются осенью, когда уже лист с деревьев начинает падать. Их охотники так и зовут — листопадничками.

Дядя Сережа очень этому зайчонку обрадовался. Вот почему: у него, у дяди Сережи, не так давно ошенилась дворовая собака по кличке Клеопарда. Щенят всех он еще раньше знакомым своим обещал. А как их у матери отнимешь? И без того злющая Клеопарда — совсем с ума сойдет, на всех начнет кидаться. Дядя Сережа и придумал зайчонка ей вместо

щенят подложить, чтобы не скучала, не лютовала.

Так и сделал.

Щенята в ящике сидели. Он их оттуда взял, когда матери не было, а на их место зайчонка положил.

Клеопарда пришла — щенят нет, а сидит в ящике малая зверюшка и ее собачьим запахом пахнет: в ящике-то всё с ее запахом.

Она и не тронула зайчонка: своим признала. Утешилась им. Кости ему стала таскать, лучшие куски мяса. С такой пищи зайчонок живо бы ножки протянул, да дядя Сережа кормил его молоком и капустой. Так и не научила Клеопарда своего приемыша кости глотать и мясо есть — ее собачью пищу. Зато научила собачьей храбрости.

Клеопарда была отличным сторожем и к хозяйскому дому никого не подпускала — ни чужого человека, ни собак. С таким злобным видом вылетала им навстречу, что редкая собака не подожмет хвоста и не пустится наутек, не дожидаясь, пока эта серая злюка сшибет с ног. Ростом она была с волчицу.

Зайчонок выросл быстро. Зайчихи своих детей и двух недель не кормят. По-заячьему, двухнедельный зайчонок уже „большим“ счи-

тается и должен сам себе разные вкусные травки разыскивать и прятаться от собак.

Этот зайчонок, хоть еще махонький, живо из ящика выскочил и бегал по всему двору за своей названной матерью. И во всем ей, как обезьянка, подражал. Клеопарда с места — и он за ней. Она на собаку — и он тоже. Она куснет — и он старается куснуть собаку. А зубы у него передние, — видели зайцев? — длинные, острые, ветки перегрызают. Как куснет, — из собаки шерсть летит! Собаке не до него: только бы от Клеопарды отбиться. Он, зайчонок, и потерял всякий страх перед собаками. Как где увидит, так и несется навстречу — кусаться. Храбрей волчонка стал. Соседские собаки все его боялись.

Да вот раз забрел на двор к дяде Сереже какой-то дальний щенок, который ни Клеопарды не знал, ни храброго ее сынишку.

Клеопарды тут не случилось поблизости, а зайчонок ее, напившись молочка, спал на сене под ящиком.

Щенок подбежал к ящику, — зайчишка! И кинулся на него.

Собака, конечно, не то, что заяц. Если позаячьи двухнедельный зайчонок уже „большим“ считается, то у трехнедельной собачонки еще

только глаза прорезаются. Она и в три месяца считается щенком.

Этому щенку месяца четыре уже стукнуло от роду, а он был еще совсем глупый. Очень хотелось ему зайца поймать. А как за дело взяться толком, он не знал — не приходилось ему еще на охоте бывать.

Он прыгнул на зайчонка и хватъ его зубами за бочок! Надо бы за шиворот или еще как, а он за бок.

Ну, конечно, шерсти клок выдрал порядочный, плешинку на боку сделал, — а удержать не мог. Зайчонок как вскочит, как махнет с перепугу через ящик — только его щенок и видел! А тут еще Клеопарда прибежала, — пришлось щенку поскорей убираться со двора подобру поздорову.

Клеопарда своему зайчонку рану зализала. Известно ведь: собачий язык — лучше всякого пластыря, и раны залечивает превосходно. Но зайчонок после этого случая жить на дворе у дяди Сережи больше не захотел. Ночью пролез сквозь забор — и в лес.

Да вот трех дней не прошло, Джим наш его в лесу и поймал.

Сынишка рассказ мой выслушал и губы надул, чуть не плачет.

— Ну, вот, — говорит. — Ты его, значит, дяде Сереже несешь. А я думал, он у нас поживет...

— Что ж, — говорю. — Сегодня-то уж, конечно, у нас переночует, а завтра сходим к дяде Сереже, попросим. Если ему не надо, может и уступит нам.

Мы пришли домой, и я выпустил зайчонка на пол.

Он сразу в угол, под лавку — и спрятался там.

Сынишка налил ему блюдечко молока, зовет его:

— Лупленный Бочок, Лупленный Бочок, иди молочка пить. Сладкое!

Зайчонок не выходит.

Сынишка полез за ним под лавку, схватил его за шиворот, вытащил. Зайчонок верещит, задними лапами дрыгает.

— Глупенький, мы же люди, — объясняет ему сынишка, — мы тебя не обидим!

А зайчонок изловчился — и цоп его зубами за палец! Так куснул, что даже кровь пошла.

Сынишка вскрикнул, выпустил его.

Зайчонок опять под лавку.

Тут наш котенок, — у нас еще котенок тогда был, ростом поменьше зайчонка, — подбежал

к блюдечку и начал лакать из него молоко.

Лупленный Бочок как выскочит, как кинется на него, как куснет!

Котенок птицей от него на печку взвился! Сынишка сквозь слезы улыбается:

— Вот так заяц!

Мы поужинали и Джим первый улегся спать на свое место — у него свой матрасик в углу. Джим очень устал — ведь целый день по лесу бегал, дичь искал, старичок.

Смотрим, Лупленный Бочок к нему ковыляет. Сел на задние лапы, а передними вдруг как забарабанит по Джиму!

Джим вскочил и, ворча и оборачиваясь, ушел под лавку: не драться же с маленьким, — да все-таки обидно свою постель такому уступать!..

А Лупленный Бочок преспокойно себе улегся на его матрасике.

Переспали мы ночь. Утром встаем, — Джим так и спит под лавкой на голом полу, а котенок всё на печке сидит, слезть боится.

Я сынишку спрашиваю:

— Ну, что ж, пойдем к дяде Сереже зайчонка себе просить?

Сынишка посмотрел на котенка, на Джима, на свой завязанный палец — и говорит:

— Знаешь, что? Пойдем, лучше, отнесем зайчонка дяде Сереже насовсем.

Так мы и сделали. Ну, как, в самом деле, такого скандалиста дома держать! Со всеми дерется. Уж на что добряк Джим — и с ним не ужился.

Отнесли мы зайчонка дяде Сереже, а он говорит:

— Мне тоже такого не надо. Тащите его, откуда взяли.

Пришлось в лес нести.

Там выпустили.

Зайчонок прыг-прыг — и в кусты.

Даже „до свиданья“ не сказал.

Вот какие зайцы бывают.

Бешеный бельчонок

Мы с сынишкой собрались в лес по грибы. И только свернули тропой с проселочной дороги, — навстречу нам из лесу собака Клеопарда. Злющая — чистый волк.

Сынишка был впереди меня. Он хотел кинуться назад, ко мне, но я успел крикнуть ему:

— Только не беги! Иди, как шел.

Ускорив шаг, я поровнялся с сынишкой и взял его за руку. Ни ружья, ни палок у нас с собой не было: одни простые корзинки. Обороняться было нечем.

А Клеопарда была уже в нескольких шагах от нас. Или мы ей дорогу должны были уступить, или она нам: тропа была узкая, а по сторонам — грязь.

— Вперед без страха и сомнения! — произнес я как можно веселее, крепко сжимая руку сынишки.

Клеопарда остановилась и молча оскалила зубы. Миг был решительный.

Я еще тверже шагнул — раз, два, три...

Свиристельное животное вдруг прыгнуло в сторону и, увязая в глубокой грязи, пошло мимо нас стороной.

Я отпустил руку сынишки.

— Видишь? А ты хотел бежать.

— Ух, страшно!

— Убегать еще страшней.

Но тут мы дошли до леса и скоро забыли это приключение.

Вчера целый день лил дождь. Грибов было много. Сперва мы брали всякие — и красные, и подберезовики, и маслята. Но глубже в лесу, на грядках под елями и соснами, начались белые. Тут мы на другие грибы и смотреть не стали.

Лес весь сверкал, переливался разноцветными веселыми звездочками, каждый листок, каждая травинка и мушинка блестела, улыбалась капельными глазками — солнце еще только поднималось над деревьями и не успело высушить вчерашнего дождя. Все кусты и елочки

были в паутинках, и каждая паутинка была унизана крошечными водяными жемчужинами. Мы, конечно, сразу промочили и штаны и рубахи, но всё равно становились на колени, раскапывали руками мокрый мох и вытаскивали из-под него маленьких крепышей с темной шапочкой на пузатенькой ножке — настоящих боровичков. Потом спешили дальше — искать новое гнездо грибов.

Мы так увлеклись, что и не заметили, как забрались глубоко в лес и очутились на опушке небольшой поляны.

— Стой! — шопотом вдруг сказал сынишка и схватил меня за руку. — Смотри: бельчонок!

Правда: на другой стороне поляны на ветках сосны прыгала молодая белочка с тоненьким еще хвостиком.

Бельчонок спускался с ветки на ветку. Исчез на минутку из глаз и вдруг, смотрим, скачет по земле к березе. Ближе к нам от той опушки стоял куст, и еще ближе — одинокая береза. И рядом с березой открыто рос многоголовый гриб на высокой белой ножке — обабок.

— А! — сказал я, тоже шопотом и потянул сынишку за елочки, чтобы не спугнуть бельчонка. — Знаешь, бельчонку, наверно, ужасно хочется попробовать этот гриб, а на землю

спуститься страшно: вдруг кто-нибудь увидит и схватит.

— Ага! — согласился сынишка. — Наверно он очень голодный.

Бельчонок уже прыгал к обабку по земле, смешно подкидывая задом.

От опушки до березы было верных шагов пятнадцать. Моих человеческих шагов пятнадцать, а беличьих мелких скачков по земле — не меньше, как полсотни.

И вот только бельчонок подскакал к березе, не успел еще и куснуть гриба, — вдруг сбоку из травы откуда ни возьмись — лисица! И на него. Мы так и ахнули.

Но бельчонок во-время заметил опасность, повернул — и в два скачка очутился на березе.

Он мигом взвился по стволу и притаился под самой макушкой. Весь сжался от страха в комочек.

Лисица осталась с носом.

Сынишка хотел захлопать в ладоши, но я ему не дал, шепнул:

— Подожди. Это еще не всё. Лисица, я вижу, пожилая, опытная. Она так этого дела не оставит.

Я потому так подумал, что лисица сразу, как бельчонок махнул от нее на дерево, оса-

дила всеми четырьмя лапами, стала и потом с самым равнодушным видом повернула прочь от березы — к опушке. Даже не взглянула вверх, на дерево. Будто ее совсем и не интересовал никогда бельчонок, не за ним она кинулась, а так просто.

А у самой глаза блестят, рот до ушей. Мне тут и почудилась какая-то хитрость с ее стороны.

Смотрим, правда: не дошла лисица до опушки, вдруг, — шмыг за куст, который между березой той и опушкой стоял. И нет ее.

— Ишь, хитрюга! — шепчет сынишка. — В засаду села. Как же теперь бельчонок домой в лес попадет? Ведь ему мимо этого куста бежать.

— Вот в том-то и дело, — шепчу я. — Не миновать ему лисьих зубов... Но... Тс-с!... смотри, он что-то придумал.

Чуть заметный, среди листвы на белой ветке березы рыжий комочек зашевелился, развернулся — и опять превратился в бельчонка. Вытянув шею и поворачивая голову во все стороны, бельчонок долго осматривался. Но, верно, оттуда, с вершины, ему не было видно лисицы: он осторожно, потихоньку стал спускаться с ветки на ветку. Прыгнет — и оглядится. Прыгнет — и тянет шейку, заглядывает вниз.

— Ох, глупый, глупый! — шепчет сынишка. — Сейчас ведь прыгнет на землю. Пойдем скорей, прогоним лисицу!

— Подожди, подожди! — шепчу. — Посмотрим, чем кончится.

В первый раз я своими глазами видел, как лисица охотится за белкой.

Бельчонок тихонько спустился уже до половины березы — и тут вдруг замер на ветке. Да вдруг как затрясется на лапках, как закричит, зацокает!

— Увидел, увидел! — шепчет сынишка.

Сомнений быть не могло: белый кончик рыжей трубы — хвоста лисьего — высунулся из куста, и бельчонок его заметил!

— Эх, лисанька! — подумал я про себя. — Рано победу затрубила! Думала уже вот он — твой бельчонок! Заиграла хвостом, да и выдала себя.

Кончик лисьего хвоста сейчас же опять исчез за кустом. Но бельчонок никак не мог успокоиться. Он пронзительно громко ругал коварную лисицу уже не знаю какими своими беличьими словами и весь трясся от негодования.

Потом, когда лисий хвост исчез, замолчал. И вдруг, чего-то ужасно испугавшись, винтом

взвился по стволу к себе на спасительную вершину. Может быть вообразил себе, что лисица сейчас прыгнет за ним из-за своего куста — на полдерева.

— Дело затягивается, — шепчу я сынишке. — Но — терпение: лисица, видимо, решила сидеть в засаде хоть до вечера. А бельчонок, конечно, голодный. На березе ему долго не высидеть: там ему ни шишек, ни орехов. Всё равно придется слезать.

Прошло несколько минут. Ни лисица, ни белка не подавали никаких признаков жизни. Сынишка уже начал меня за рукав дергать:

— Прогоним лисицу и пойдем грибы собирать.

Но тут бельчонок опять показался из своего прикрытия и прыгнул на одну из тонких верхних веток березы. Это была одна из самых длинных веток дерева, и она, как вытянутая рука указывала прямо на опушку леса — на ту самую крайнюю сосну, с которой полчаса тому назад спустился бельчонок.

Бельчонок разбежался по ней и, сильно качнув конец ветки, прыгнул.

— Бешеный! — шопотом вскрикнул сынишка. — Он...

Сынишка хотел, конечно, сказать, что бель-

чонок попадет прямо в пасть лисице. Но он не успел договорить: так быстро всё кончилось.

Бельчонок, разумеется, не рассчитал: допрыгнуть до опушки с березы он не мог. Самой ловкой белке не перелететь с такого расстояния по воздуху — не птица же! Просто, видно, бельчонок с отчаянья прыгнул: будь, что будет! И он, конечно, кувырнулся, не пролетев и половины расстояния до сосны.

Надо было видеть, как он летел вниз, растопырив все четыре лапки и вытянув тонкий хвостик, — прямо в куст, где сидела лисица, прямо на нее!

Но не успел он долететь до куста, как лисица...

Думаете подскочила и на-лету схватила его в зубы?

Нет: лисица опрометью выскочила из куста и, сломя голову, бросилась наутек через пни и кусты.

Громкий смех сынишки — прямо мне в ухо — чуть не оглушил меня.

А бельчонок, упав на куст, не разбился: ветви спружили, слегка подкинули его легкое тельце и, опять приняв на себя, мягко опустили его на землю.

Бельчонок скок-скок-скок! — и на сосну.

С сосны на осину, с осины еще на какое-то дерево — и скрылся с глаз в лесу.

Сынишка хохотал до слез. И весь лес, казалось, хохотал с ним — все капельные глазки дождя на листьях, на траве и кустах.

— Бешеный! — твердил сынишка сквозь смех и слезы... — Ну, прямо бешеный!.. Как он на лисицу-то! Как она от него!.. И хвост поджала! Вот бешеный бельчонок.

— Ну, — спросил я, когда он прохохотался: — теперь понимаешь, почему я не дал тебе бежать от Клеопарды?

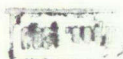
— Знаю, знаю:

„Вывод ясен без картин —
Часто, в битве не робея,
Побеждает трех один.“

Уж не знаю, откуда он взял эти стишки! Он у меня набит стихами и выпаливает ими вдруг, как из пушки.

Веселые мы пришли в тот день из лесу.

16074

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ ДОШКОЛЬНОЙ КНИЖКИ
ДЕТГИЗА

2 р. 50 к.

